

... as θ is between
and 2π , $r = \sin \theta$
Retraces its steps.

Ви Корс

Туман и Молния

Книга VI

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ви Корс

Туман и Молния. Книга VI

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Корс В.

Туман и Молния. Книга VI / В. Корс — «ЛитРес: Самиздат»,
2016

Продолжение нашумевшего эротического приключения - Туман и Молния. И он, развернувшись, уходит. Раздает какие-то указания своим советникам, полностью игнорируя её, при этом спиной постоянно ощущая и ловя её присутствие, зная, что она рядом, и послушно идёт за ним. Содержит нецензурную брань.

«Единственный по-настоящему мудрый советчик, который у нас есть, – это смерть. Каждый раз, когда ты чувствуешь, как это часто с тобой бывает, что все складывается из рук вон плохо и ты на грани полного краха, повернись налево и спроси у своей смерти, так ли это. И твоя смерть ответит, что ты ошибаешься, и что кроме ее прикосновения нет ничего, что действительно имело бы значение. Твоя смерть скажет: «Но я же еще не коснулась тебя!»»

Карлос Кастанеда.

Глава первая. Лис спит

Горы чёрные словно покрыты копотью. Мрачный пейзаж. На одной из закопченных площадок перед тёмным зевом пещеры, работают люди. Люди? Лис совсем не был в этом уверен. Закутанные с ног до головы в чёрные, такие же грязные и закопченные, как и всё вокруг, одежды, они составляли с безрадостным пейзажем одно целое. Но, очертания их фигур и размеренные движения, всё же походило на человеческие. Лис не мог сказать точнее, какие существа работали здесь. Не спеша, словно у них в запасе целая вечность, они закатывали в пещеру какие-то железные бочки. Такие же чёрные как эти горы, и эти сущности и эта пещера, в глубине которой, Лис угадывал пламя. Время от времени его далёкие, но яркие отсветы вырывались из глубины, освещая своды входа и площадку. В эти мгновения, существа замирали, словно пережидая, потом снова брались за работу. Лис как замороженный наблюдал за их нехитрыми действиями. Он не знал кто они, и как называется это место, но он ЗНАЛ что было в этих бочках! Останки. Человеческие останки.

И эти мрачные и отрешённые рабочие, нет, всё же не люди, они не могли быть людьми, мир людей остался где-то там, далеко-далеко, Лис это чувствовал, и ему на ум невольно пришло выражение: «Ни одной живой души». Так и было. Ангелы, или демоны, в любом случае, низшего порядка, они монотонно закатывали бочки в пещеру. И труду их не было окончания.

Лис не ощущал запаха разложения, запаха гниющих останков погибающей плоти. Нет. Этих запахов не было здесь. Потому что в бочках находились не части тел: руки, ноги, трупы. В этих страшных сосудах смерти, лежали останки погибших человеческих душ. Сама человеческая сущность. Переставшая светиться бессмертная вечная звёздочка. Вечная? Лис видел сейчас, что нет. Пустые скорлупы, искорёженные куски, ни излучающие больше никакой жизни. Души: погибшие, сломанные, разбитые, не сумевшие выжить, и превратившиеся в труху.

И поэтому в воздухе здесь витал не запах разложения плоти, а нечто, гораздо худшее – тоска. Неумолимая, всеобъемлющая, бездонная и бескрайняя тоска. Такая, от которой хочется выть и рвать волосы на голове. Тоска которой никогда не испытаешь на земле, столь безнадёжной и абсолютной она была.

Лис сжал виски ладонями и зажмурился, пытаясь избавиться от наваждения. От этого всепоглощающего чувства тоски и безнадёжного отчаяния. Ему стало страшно, очень страшно от одной только мысли, о том, что и его душа, может оказаться там... в одной из этих бочек.

ПРОСНУТЬСЯ КАК МОЖНО СКОРЕЕ!

Лис лежал на кровати, тяжело дыша и вперившись взглядом в темноту, но такую знакомую и привычную темноту своей комнаты.

– Не-е-ет, он не Арел, он никогда не станет кричать во сне!

И ощущая знакомый уют своей постели, Лис прикрыл глаза. Тяжёлый сон, да... Но ведь он не Арел, чтобы переживать из-за подобных глупостей. Мало ли что приснится. Ему ли, принявшему за свою жизнь столько стимуляторов и «лекарств» не знать этого. Не знать в какие жуткие миры может привести не раз подвергавшееся коррекции, и от того разбалансированное сознание. Так что не стоит даже думать об этом.

Он благополучно проснулся и лежит в своей кровати. В своей комнате. И его комната надёжно закрыта на ключ. Он в безопасности. Только...

И Лис почувствовал, как холодные мурашки пробежали по его позвоночнику, сковывая тело страхом, потому что, он очень отчётливо понял сейчас, что в комнате есть кто-то ещё. И этот «кто-то» лежит рядом, прямо за его спиной. Лежит, тихо, не шевелясь. И Лису в какой-то панике, пришла в голову странная мысль, что если он – Лис, сейчас сделает какое-нибудь движение, и пошевелится, то этот «кто-то» пошевелится тоже. И будет быстрее.

Лис застыл, думая только о том, чтобы это существо за его спиной не догадалось что он уже проснулся и знает... Знает что?! Что в его кровати, в которую, он прекрасно это помнил, он ложился один, теперь лежит кто-то ещё? Бред! Полный бред! Лис давно не оставлял на ночь рабынь, да и когда вообще у него в последний раз была рабыня? Почему он вообще решил, что за его спиной кто-то лежит? Всё дело было в том, что он не решил. Он ЗНАЛ.

Это сон. Снова чёртов сон! И Лис не Арел чтобы кричать... Но, чёрт возьми! Как же ему сейчас хотелось сделать это!

Мгновенно подобравшись, как кошка, как животное, Лис вскочил. Одним прыжком, подальше от кровати, отдёргивая балдахин в сторону, и одновременно оборачиваясь.

Её темные волосы всё также были заплетены в две тугие косы, длинную до пола.

Лёжа на его кровати, Шела смотрела на Лиса, странными, белёсыми глазами без зрачков.

Чиркнула спичка, и темноту комнаты немного рассеял мигающий огонёк. Лис повернулся на свет, и увидел Никто. Никто зажгёт свечу.

– Ч-что, что чёрт бы вас побрал, здесь происходит? – прошептал Лис.

Никто как-то странно потрянул головой, и отложил в сторону раскрытую книгу, лежащую на столе. Это была книга Лиса. По ней было очень удобно, готовить различные препараты.

– Полезная книга, – заметил Никто, – и сложная. Впрочем, я никогда в тебе не сомневался, – добавил он, попробовав улыбнуться. И в неясном свете свечи, его ухмылка получилась, поистине жуткой.

Лис отшатнулся и перевёл взгляд на Шелу:

– Она...

– Ей было холодно, там, в подвале, куда её швырнули слуги. В самом низу. Видишь, что с ней сделали крысы?

Лис с нескрываемым отвращением смотрел на Шелу, на её обгрызенные культы вместо кистей рук. Рук, которые когда-то так нежно и умело ласкали его. Её ноги были отрублены внизу до колен. Именно отрублены. Лис разбирался в этом. Крысы могли их обглодать, но оставили бы кости. Да и слишком ровно они их отгрызли. Видимо ногами полакомились другие. Другие, вечно голодные существа, живущие в этом замке, и имеющие прав может быть даже меньше чем крысы. Рабы князя Арела.

Интересно, а крысы едят себе подобных? Отгрызают им лапы?

Она была такая же бесправная серая тень, крыса, только в человеческом облике. А теперь она лежала на его кровати, пачкая её своими черными от запёкшейся крови мерзкими культями.

– Это ты! – заорал Лис в бешенстве. – Ты убил её! Теперь и забирай немедленно! Пусть греется в кровати у тебя! А ко мне она никакого отношения не имеет!

– Разве? – хмыкнул Никто, – интересно, а что она думает об этом? Может, спросим? Пусть расскажет, как Арел глумился над ней. Или как она сходила с ума от страха, а защитить её было некому. Хотя, один человек говорил, что любит её, что она ему очень дорога...

– Замолчи! Закрой свой кривой рот! Она просто рабыня, моя недолгая прихоть, и если ей это было не понятно, с самого начала, это её проблемы!

– Да нет, она всё понимала, и ни на что не претендовала, что ты! Просто этот человек её обнадёжил. Кстати, ты когда-нибудь видел, как развлекается со своими рабынями Арел? Он убивает так медленно. В муках проходят часы. Может пройти вся ночь. Прежде чем...

– Ты заткнёшься?!

– Тут уж начнёшь хвататься за любую соломинку. И конечно поверишь, если тебе обещают...

– Замолчи!

– И бросят.

– Замолчи.

– На произвол судьбы.

– За-мол-чи.

– Предадут.

– Ты всего лишь сон. Мой дурацкий кошмар! И мне всё равно, что ты мелешь. Никто. Мне тошно тебя слушать! Избавил её от мучительной смерти, тоже мне благодетель! Может быть, проще было не выбирать её в тот день?

– Может быть, – согласился Никто. – Но ты сделал свой выбор, а я свой. Первый ход был твоим, сначала – ты. Потом – я.

– Хочешь сказать, если бы я выбрал другое...

– Я только выполнил её последнюю просьбу. Она хотела увидеть тебя ещё раз, больше ничего, – и Никто прихрамывая направился к двери.

Он открыл её без всяких препятствий. И Лис чуть не взвыл от бешенства. Впрочем, во сне замки действительно редко спасают от непрощенных гостей.

– Он ходит по моей комнате, трогает мои вещи, рассматривает всё тут! – Лис в возмущении, подошёл к столу, чтобы убрать свою книгу.

Невольно склонился над раскрытой страницей:

«Ибо торопливыми шагами приближается на заре некто, который овладевает мной и разрубает меня мечом, меня пронзающим, и разывает меня, дабы привести в гармонию. И силой рук своих, держащих меч, он отделяет кожу от моей головы, и он соединяет кости с кусками мяса, и все вместе, по замыслу своему, сжигает на огне, пока я не ощущаю, как тело моё преобразуется и становится духом. И это моя невыносимая мука».

Лис резко поднял голову, вдруг осознав, что зачитавшись, совсем забыл о Шеле. И напрасно. Стоя на кровати на четвереньках, Шела готовилась к прыжку.

И Лис закричал. Громко, отчаянно, чтобы, наконец, проснуться.

Глава вторая. Лис рефлектирует

Лис с отвращением смотрел на своё отражение в зеркале. Чёрная краска на волосах, почти смылась, цвет поблёк. Теперь он был и не рыжий и не чёрный. Какие-то грязно-серые волосы, не тёмно-медные как изначально, и не угольно чёрные как задумывалось. Раньше цвет его волос часто сравнивали с огнём. Женщины льстиво говорили ему это, когда он склонялся над ними. Они говорили, что его лицо словно обрамляют языки пламени. А теперь огонь погас. Остался лишь серый пепел. Не живые патлы. И Лис, с омерзением пригладил их ладонями назад, убирая от лица. Потянулся за своей заколкой. Пушистый яркий лисий хвост, привычно, мягко лаская, лёг в ладонь, но Лис, тут же грустно отложил его в сторону. Его любимая заколка смотрелась бы на этих тусклых волосах просто нелепо. Это раньше его собственный хвост спорил с пушистым украшением и явно выигрывал, а теперь...

И Лис невольно поймал себя на мысли, что сейчас, как никогда понимает Косого. Косого, которого всегда так презирал и унижал. Называл слабаком, и считал тряпкой. Теперь он угадывал мотивы, которые двигали Косым. Теперь эти мотивы звучали и в его душе. Сейчас он и сам, еле сдерживался, чтобы не схватиться за нож, и не обкорнать себя к чёртовой матери. Отрезать этот признак господина и избранного воина, и прочее и прочее. Признак, который стал таким жалким. А если бы был под наркотой, как Берт в тот момент, о-о-о!

Лису очень хотелось сейчас вколоть что-нибудь в себя. Но он терпел. Терпел потому что боялся. Новых приходов. Ещё более жутких кошмаров. Он чувствовал себя, уставшим, не

выспавшимся, старым и разбитым. Регулярно ныли и напоминали о себе давние раны. Его тело начинало сдавать позиции. Он это понимал. Но уже не мог ничего исправить.

И лицо... начало шелушиться от этого чёртова красителя. Точно также как и у Арела. Только Арел не слишком страдал от этого, или казалось, что не страдал. Ему, похоже, действительно было по барабану, что люди шарахаются от него в разные стороны. Разглядывают исподтишка, боясь прямого взгляда. Впрочем, Лису тоже всё равно! Мало что ли на него пялились?!

– Но почему?! Почему я родился таким! – задал сам себе вопрос, глупый Лис, не понимая, как он на самом деле красив.

И мать стеснялась его, и Карина...

Небо синее, ни облачка, словно они в «Верхнем мире». На арене внизу сражаются два пленника. Два «чёрных». Они просто развлечение, мясо, и Сигмер смотрит не на бой «обречённых на смерть», а на неё. На Карину. Его Карину. Смотрит, как напряженно и сосредоточено она следит за действиями своих соотечественников, выставленных на потеху. Словно сама сражается там внизу. Вдрагивает при каждой атаке, при каждом опасном моменте подается вперед вцепившись пальцами в парапет. Интересно, за кого из них она болеет? Сигмера это раздражает. А она и не замечает, что он на неё внимательно смотрит. Она вся там, внизу, в пыли и крови. Как же хочется ему, чтобы она отвлеклась, заметила, взглянула. Пустые надежды.

На её шее повязана атласная красная лента, под ней скрыты синяки и кровоподтёки, оставшиеся от совсем другого «украшения» – железного ошейника. Снятого совсем недавно. И ещё там следы его зубов.

И Сигмер ловит себя на мысли, что ему хочется проделать это с ней снова. Доставить боль, чтобы взглянула, чтобы вспомнила о нём.

«Гладиаторы поневоле», сражаются действительно великолепно. Ни один, ни другой не хочет сдаваться. «Как в последний раз» – смешно, ведь так и есть. Бой затягивается, два доведённых до отчаяния человека, уже просто катаются в пыли арены, яростно вцепившись в друг друга. «Чёрные»... Инстинкт самосохранения, не даёт им сдаться. Они воины.

– Пощади их! – наконец оборачивается она к нему, с мольбой в глазах и голосе. – Отправь в лагерь пленных, на каторгу, только не заставляй одного из них убить другого. Они честно сражались, и равны по силам!

На что она надеется? Что в лагере пленных они дождутся освобождения. Что за ними придут «свои». Большой глупости и быть не может! Никогда «чёрным» не отбить потерянные позиции. И те, кто попал в плен, обречены. Какая разница? Умереть сейчас, или медленно и мучительно сгнить на каторге.

Он делает знак, и оба пленника покидают арену живыми. В порыве благодарности она прижимается к нему, обнимая:

– Спасибо! Спасибо! Спасибо!

Он стоит, едва сдерживая, такую глупую и неуместную сейчас победную ухмылку, с внешним безразличием принимая её благодарную нежность. И когда она легко дует ему в ухо, уворачивается с деланным недовольством:

– Ну что за глупая привычка!

В ответ она улыбается заискивающее, ожидая чтобы он улыбнулся тоже. Сейчас он повалит её прямо здесь, на балконе, и плевать ему, что ей будет жестко лежать распластанной на каменных плитах пола. И она поймёт, как он на самом деле любит её. Нет.

И он, развернувшись, уходит. Раздает какие-то указания своим советникам, полностью игнорируя её, при этом спиной постоянно ощущая и ловя её присутствие, зная, что она рядом, и послушно идёт за ним.

Воинов повесят этим же вечером. Впрочем, она об этом не узнает. Она никогда не интересуется дальнейшей судьбой «помилованных».

Его мысли метаются в голове как птицы в клетке.

Хрен бы она всадила нож в Арела! Всем нравится Арел! Все выбирают Арела... И Никто... О-о-о! Только не это!

«— Иди сюда. Сделай это. Может тебе станет легче если ты трахнешь меня. Свою головную боль...»

Не-е-ет! Не думать об этом! Совсем не думать!

« -Ты пахнешь, могилой...

Нет, правда, тебе никто раньше не говорил? Арел не говорил?

Нет! На самом деле, хорошо, не могилой, я плохо выразился, землёй, сырой землёй, ну как будто ты спустился в погреб, там такой же запах...

И Лису кажется, что Никто на минуту задумывается и потом соглашается:

– Странно, я никогда не думал об этом, а ведь я полжизни прожил под землёй... Но, лучше не вороши моё прошлое. Хвати ворошить моё прошлое...

И Никто склоняется над ним...

«Не вороши моё прошлое. Хвати ворошить моё прошлое...»

И Лис не замечает, как неосознанно хватается за ухо, закрывая его ладонью.

Он несмело проводит рукой по татуированному бедру. Он ощущает неровности, лёгкие выпуклости рисунка, там, где видимо кожа была пробита глубже, чем надо. Или такие едва ощутимые выпуклости образуются тогда, когда краска по какой-то причине «выходит» и приходится проходить иглой это место несколько раз. А может просто на этих участках как-то неправильно происходило заживление и образовалось что-то похожее на следы от шрамов. Лис в этом мало разбирается, впрочем, он знает, слышал от кого-то, что если татуировка выпуклая, значит, она сделана неправильно. Слишком грубо и глубоко. Или нет, если татуировка расплывается, значит, она сделана неверно, краску забили в жировой слой. Или и то и другое верно. А может так и должно быть? В этих рассуждениях нет никакого смысла. Просто Лис чувствует лёгкие неровности под пальцами и ему это нравится. Нравится, чёрт возьми! Он ощущает такую лёгкую истому и желание, как там... тогда... в пределе. Словно от тела Никто исходят какие-то притягивающие волны. Лис его уже трахнул, только что. Быстро, наверное, даже агрессивно. Без всяких прелюдий и сантиментов. И ничто не мешает ему сейчас встать и уйти. А он не уходит. Вместо этого он продолжает лежать рядом и гладит, гладит это раскрашенное тело. Никто не шевелится и ничего не говорит. Он вообще не издал ни звука за всё то время, пока длилась их «любовь». Интересно, а под Арелом он стонет?

– Скажи что-нибудь, – просит мысленно Лис, – скажи, что не издеваешься надо мной!

– Как твоя голова? Не болит больше? – вдруг говорит Никто, и оборачивается к Лису. И Лис готов поспорить, что в его светлых глазах пляшут озорные искры. Лицо неподвижная маска, а глаза живые и они смеются. Чёрт бы его побрал! У Лиса перехватывает в горле от негодования, но он не хочет ссориться сейчас, почему и сам не понимает. И он прислушивается к своим ощущениям. И отрицательно мотает головой:

– Нет. Больше не болит.

Больше не болит, так какого хера он не уходит! И что вообще за бред?! Он что за таблеткой от головы сюда приходил?! Он приходил разобраться, поговорить, выяснить, в конце концов! Только сейчас ему меньше всего хочется что-то выяснять, в чём-то разбираться. Ему хочется... Чёрт! Ему хочется прикоснуться к этому телу, к этой коже, к этим губам...

Зачем он сделал это! Да он был просто не в себе, когда обнял это беловолосое чудовище и всё же поцеловал. Впился в этот лживый рот своими губами. И Никто ему ответил. Этот их поцелуй... Эта слабость... Он показал свои чувства, раскрылся как мальчишка и перед кем?!

Перед тем, кому было до фонаря, перед тем, кто просто развлекался, коротал время между дозами, наблюдая за реакциями смешного запутавшегося Лиса.

«— Лис, оставь это Арелу! Безумие, не твой конёк, оно тебе не идёт!»

«— Это выглядит просто жалко! Лис!»

«— Ты дрожишь как лист на ветру, ты боишься!»

«— Потому что ты сам не понимаешь что делаешь, и это забавно, Лис, который не понимает, что он делает...»

Да в этот вечер, Лис мог бы смело поспорить с Арелом, о том кто из них дурнее.

Но в те мгновения, когда их губы соприкоснулись, Лис понял что сейчас сорвется, и сделает для Никто нечто большее чем просто трахнет его. И позволит Никто сделать нечто большее. Он помнил, как буквально скатился с кровати.

Вина! Срочно выпить вина и отвлечься! Кругом валялись бутылки только со сладким, как любит Арел.

«-Нет, только не этой виноградной патоки Арела!».

Лис помнил, как Никто долго путался в названиях и цвете этикетки, пытаясь принести Лису, то, что он попросил. Это было забавно, и отвлекло его.

Он сумел устоять перед этим наваждением. Он устоял и гордился этим.

Устоял? И Лис горько усмехнулся своим воспоминаниям.

Они пили вино и разговаривали, Лис помнил, что о каких-то вещах, которые раньше казались ему необыкновенно важными, а в тот момент, когда они, наконец, смогли поговорить о них, Лису было уже всё равно. Он смотрел на Никто и ощущал свою победу. Так ему тогда казалось. И хотел ещё и ещё. К счастью уже начинало светать, и Никто сказал, что ему нужно уколоться. Он стал готовить себе дозу. Он предложил сделать дозу и для Лиса и присоединиться. Лис отказался и ушёл. Он ликовал. И он был пьян.

Весь следующий день, пребывая в приподнятом настроении, вспоминая некоторые моменты, этот удивлённый, вопросительный взгляд, поворот головы, подчинённую позу. Прокручивая в своей голове эти сцены снова и снова. У него было такое странное чувство, что Никто теперь принадлежит ему, а вовсе не Арелу. Вечером за игрой в карты, он в душе забавлялся, глядя как Арел по хозяйски лениво теревит в пальцах, спутанные белые пряди. Его не волновало и не вызывало никакого раздражения что его Никто сидит в ногах князя. Словно это он, Лис, милостиво разрешил Орлу, поиграть со СВОЕЙ игрушкой. Целый день он не испытывал желания принять наркотик, лишь к вечеру, наверное всё же позволив себе выпить лишнего, или он пьянел не от вина? Нет. Наверное он всё таки напился, потому что... То что происходило дальше... То, что он сделал с Никто дальше... наверное это было жестоко.

Лис гнал эти воспоминания из своей памяти, но не мог не думать об этом. О том, что в тот вечер, дождался пока Арел уйдёт к Косому. И вернулся к Никто. Вернулся чтобы...

Нет, Лис больше ни хотел вспоминать об этом!

Глава третья. Месть Лиса

Странно, что в тот вечер, Никто совсем не удивился его приходу. Впрочем, Лис смутно помнил сам момент прихода, он всё же был сильно нетрезв. Да что там: «не трезв», Лис был пьян как последняя свинья. Он перенял все дурные привычки Арела – безумие и алкоголизм. Лис не помнил, как ему удалось обосновать свой очередной визит. Или Никто ни о чём его не

спросил. Лис помнил только, что он предусмотрительно запер дверь на ключ, а Никто сказал, что он зря старается. Потому что у Арела есть свой ключ от этой комнаты. Тогда Лис сказал, что оставит ключ в замочной скважине, чтобы Арел не смог вставить свой. А Никто равнодушно пожал плечами. Весь этот базар про ключи, Лис помнил очень смутно, гораздо отчётливее, он помнил то, что случилось потом.

Он повалил Никто на кровать. Так по своей толкнув в грудь двумя руками. И тот упал. Чуть приподнявшись на локтях, смотрел на Лиса своими такими светлыми, холодными глазами. Смотрел, как Лис уверенно и неторопливо снимает с себя куртку. Скалясь, отбрасывает её в сторону. Оставшись голым по пояс, расстегивает пряжку ремня. Не отводя взгляда от светлых глаз, расшнуровывает ширинку. С удовольствием замечая, как Никто опускает взгляд и смотрит уже не в глаза Лису, а туда, куда нужно. Смотрит как Лис, обеими руками стягивает мягкую замшевую кожу штанов со своих бёдер. Смотрит и потом снова поднимает глаза на Лиса. И Лису становится не по себе. Он помнил, что словно протрезвел в это мгновение. И испугался того, что делает. И Никто, сразу же уловив эту мимолётную слабость в поведении Лиса, чуть склонил голову набок, и выражение его лица в тот момент, было таким, словно он хотел сказать своему незадачливому любовнику: «Ну что ж, бывает...».

И Лис разъярился. Он больше не красовался, рыча набросился на такого самоуверенного «сына дьявола», не почувствовав никакого сопротивления. Их члены соприкоснулись, прижимаясь друг к другу. Лис принялся целовать Никто, его грудь, соски, живот... Жадно, словно стараясь наверстать упущенное вчера.

И вот это, эти моменты, он не мог вспоминать теперь, без того, чтобы не сжиматься внутри, словно от удара под дых. Ему реально становилось физически дурно.

Нет, всё же он не перешёл границу, не взял в рот у «нечистого». Слегка утолив желание, сумел взять себя в руки, и вспомнить, зачем пришёл. Он словно слышал свой, пьяный, издевательский голос:

– А у меня для тебя подарок, Ник! Я бы с удовольствием подарил тебе, бутылку вина... засунул бы её в твою задницу! И посмотрел, как ты будешь корчиться! Но оставим эту привилегию Орлу. Хотя жаль конечно... Впрочем, почему нет? Может позже... – он нехорошо улыбался.

Никто напряжённо слушал его. Лис догадывался что слово «привилегия» ему непонятно, и чувство собственного превосходства, доставляло Лису не меньше радости, чем всё до этого, вместе взятое.

Он неторопливо, потянулся к своей сумке, достал от туда моток чёрного широкого пластыря...

– Помнишь? Ты ослепил меня там, в «пределе». Сначала в тронном зале, когда я имел неосторожность очнуться и взглянул на тебя. И потом. Ты помнишь, как щёлкнул мне по глазам, своею чёртовой магией? Так что я перестал видеть, и повязка уже была не нужна! Ты думал, я это забуду? А я помню! Очень хорошо помню, Ник... это унижение! Я ничего не забываю!

И я хочу, чтобы ты тоже почувствовал, каково это, быть обнажённым, ослеплённым, игрушкой в чужих руках!

В этот момент Лису показалось, что Никто хочет что-то возразить, хочет что-то сказать. Он только приоткрыл рот, готовясь произнести звук, как Лис заорал на него, он помнил этот свой крик. Ему казалось, что если Никто что-нибудь скажет, начнёт объяснять, оправдываться или отрицать, вообще заболтает его, и Лис не сможет сделать то, что задумал. А он привык, исполнять то, что было задумано.

Лис заклеил ему рот, торопливо, грубо, яростно, в несколько слоёв. Никто не сопротивлялся. Совсем. Как тогда, когда они рисовали ему стрелки на глазах и писали на лбу «Подстилка Арела». Наверное, Никто находил какое-то извращённое удовольствие отдавая своё

человеческое тело на растерзание. Так думал Лис, думал уже позже, когда пытался проанализировать все эти неадекватные и не логичные поступки Никто, который позволял делать со своим телом всякие гнусности, не испытывая похоже ни чувства унижения ни чувства страха, словно и сам ненавидел его и желал разрушить. В Никто была и сила и достоинство, и в то же время не было. Совсем. Лис этого не понимал. Это была ещё одна загадка.

Лису всё же казалось, что в такие моменты Никто – человек. Человек, который мстит. Разрушает себя в отместку. Приятно ли было возвращаться демону в оттраханное тело? Или даже находиться там, в это же самое время. Это были забавные мысли. Правда позже ему в голову пришли прямо противоположные, уже не столь забавные. Возможно, что вовсе не человек мстил, демону, а совсем наоборот. Вынуждая тело быть покорным, демон наказывал, таким образом, и утверждал свою власть. В таком случае Арел и теперь Лис, «воспитывали» Никто в лучшем виде. Что ж, «папочка» должен быть доволен.

Потом Лис заклеил Никто глаза. Он спрашивал, как Никто себя чувствует, приятно ли ему? И расставив широко его ноги, держась за колени, трахал его впервые так, как умел трахать Арел, не переворачивая партнёра на живот. Трахал с каким-то непередаваемым наслаждением и животным желанием. Зная, что Никто не видит сейчас выражение его лица, и испытывая от этого облегчение. Расслабившись, отбросив извечное презрительное выражение лица – его маску, он хватал ртом воздух и зажмуривался, когда оргазм накрывал его волной. Переждав секунду, он тут же продолжал, не давая возможности своему члену передохнуть и опасть. Пытаясь получить оргазм за оргазмом. Ему казалось, что вся его сперма уже давно кончилась, или это было на самом деле так. Но это щекочущее чувство в головке члена, какое-то безумное наслаждение, желание ещё и ещё, ощутить эту дрожь удовольствия, доходившую до кончиков пальцев ног и сводившую их судорогой. Ещё и ещё, словно конь перепрыгивает барьер за барьером. И в этот момент, когда он берет барьер... Лис кажется, начал понимать смысл слова – экстаз. Он смотрел, как его член ходит туда-сюда, он без опаски смотрел в лицо Никто, не боясь больше насмешливого взгляда ледяных глаз. Слепой и немой. С таким Никто ему было легче. Интересно, чтобы сказал ему Орёл, если бы увидел? Одна только эта мысль заставила Лиса кончить. Он представил себе как Орёл входит в комнату и видит это. Его Никто... рот заклеен, и вместо глаз... Его Никто лишится половины ресниц, брови Лис ему пощадил, приклеив липкую ленту чуть ниже. Но всё равно это будет больно... отдирает клей от нежной кожи век. Лис представил, как знаки полукровки в губе Никто, потянуться за пластырем, прилепившись к нему, придётся помучиться. Быть аккуратным, чтобы не порвать губу. Если бы Орёл всё это увидел! Увидел, как он изуродовал его Ника. О, это было бы замечательно! Но только в первый момент. Потом начались бы разборки и истерика Арела, а этого Лис уже совсем не хотел. Но помечтать, о первой реакции Арела, ему никто не мог запретить.

Лис видел, что член у Никто стоит, и это тешило его самолюбие. Он милостиво позволил ему, в какой-то момент схватиться рукой за свой татуированный орган, и кончить. Кончить от того, что его трахает сам Лис. Великий и ужасный! Лис был пьян и поэтому превзошёл сам себя. Он стер бы Никто до крови, если бы Никто не был такой привычной шлюшкой, и если бы Лис не кончал прямо в него. Но ему нравилось кончать именно в него, пусть потом эта сперма хлюпала внутри, и член взбивал её в пену, как яичный белок. Он продолжал этот акт так долго, как мог. Наверное, Никто остался доволен. И если бы мог, поблагодарил бы его, Лиса.

Потом Лис ушёл, ни сказав ни слова и не сорвав пластырь. Пусть сделает это сам, или дождётся Арела. Руки Никто были свободны, и Лиса немного коробило только одно, одна маленькая ложечка дёгтя, в бочке меда. За всё это время Никто ни разу не дотронулся до Лиса. Да, его член возбудился и он кончил. Но Никто ни разу не обнял Лиса.

Лис гнал эти мысли. Он хотел отомстить, и он отомстил. Что ещё нужно? Зачем ему его объятия!

Он дал себе зарок, больше не думать о Никто, даже не смотреть в его сторону.

Никто не проявлял никакой инициативы тоже. Словно ничего и не было. Его обнимал Орёл, с ним разговаривал Орёл. Он сидел у Орла в ногах, и клал лохматую голову ему на колени. И он не смотрел на Лиса. Зачем ему нужен был Лис?!

И Лис не знал, просто не знал, как искоренить эти мысли из своего сознания, как перестать думать о нём.

Прийти снова, просто поговорить? Какая глупая отмазка! Такой нельзя обмануть даже самого себя, даже если очень хочешь обмануться. Лис был сам себе противен, он убеждал себя, что просто смешон. Нет, конечно, это была не любовь! Даже не симпатия! Безответные чувства? Исключено! Просто... Просто, ему хотелось... Ему хотелось чтобы Никто постучал в его дверь также, как постучал Лис в тот злополучный вечер к нему.

Пришёл к Лису. Пусть тоже отомстит. Неважно. Вот тогда бы Лис отыгрался! Да что там, он бы просто вышвырнул Никто вон. Зачем ему этот... это недоразумение, недочеловек, пусть Арел с ним и дальше возится. А Лис бы не стал его даже слушать, сразу же указал бы на дверь. Может быть даже вежливо. Вежливо и равнодушно.

Но Никто не приходил.

Наяву.

Он стал приходиться в его сны. И это было совсем паршиво.

Тонкая струйка холодной ржавой воды со звоном ударялась о дно старой железной ванны. Наверное, только у Лиса в комнатах и сохранилось ещё некое подобие водопровода. Неудобно согнувшись, и подставляя затылок и макушку под эту струю, Лис тёр и тёр свои волосы, намыливая и смывая снова и снова. Ванна на кривых ножках, когда-то отполированная до блеска, давно покрылась ржавчиной. Ржавчина была рыжего цвета, и струйка воды была рыжего цвета. Только волосы Лиса, сколько он не старался, так и не приобрели свой первоначальный оттенок.

Лис снова ругал себя. Дурное самочувствие и тяжёлый сон, выбили его из колеи. Этого конечно никто не видел, но, ему было стыдно за эту слабость даже перед самим собой. Сейчас он приведёт себя в порядок, наденет на лицо свою привычную маску высокомерной презрительности, и не Арел, ни Энрики, ни кто-либо другой, никогда не догадаются, что творится с ним на самом деле.

Сейчас он пойдёт к Никто и выскажет ему всё! Всё что думает о нём. Он добьётся признания. Пусть Никто объяснит ему кого он Лис трахал, демона или человека, и кто Никто демон или всё же человек. И зачем всё то, что было между ними. Зачем всё это было? Пусть объяснит. Зачем он это сделал, зачем позволил, и что он хочет.

А что хочет Лис? И Лис понимал, что боится ответить на этот вопрос даже самому себе, и это чувство слабости бесило его и злило, больше чем все остальное вместе взятое.

И ещё он понимал, что не должен идти к Никто, Ни в коем случае! И не мог не идти.

Глава четвёртая. В гостях

Лис шёл по коридору, когда увидел Тола. Непроизвольно Лис подобрался, оглядываясь по сторонам, впрочем, сразу же расслабившись. Во-первых – в пустом и прямом коридоре укрыться было абсолютно негде. Искать незапертую дверь, уже поздно. Во-вторых, Лис даже хотел встретить кого-нибудь кто смог бы отвлечь его от этих бесконечных изнуряющих раздумий. Конечно, самым последним ему хотелось встретить сегодня с утра, именно Тола. Но выбирать не приходилось. Тол мог отвлечь его. Задержать. Сбить с мысли. Да всё что угодно только чтобы Лис не дошёл туда, куда он направлялся. И это был шанс.

Увидев Лиса, Тол искренне обрадовался, замахал руками, чтобы тот остановился и подождал его. И Лис остановился. И уже за это он был благодарен идиоту Тола, и готов был выслушать его очередной бред.

– Я привёз мясо! – закричал радостно Тол, ещё издали. Растопыривая ручищи, словно желая обнять Лиса. Сгрести в охапку приветствуя по дружески. Лис отшатнулся, довольно

резко. Тол послушно остановился, и стоял перед Лисом как вкопанный, блестя своими узкими глубоко посаженными глазенками. Один глаз карий, а радужка второго наполовину коричневая и наполовину зелёная.

– Я привёз мясо, – повторил он радостно.

Лису было наплевать на мясо. Он вообще не понимал о чём ему сейчас талдычит этот придурок. Ему было класть на мясо и на Тола, и вообще на всё, кроме... И Лис спросил:

– Что за мясо? – в душе проклиная Тола и благодаря одновременно.

– Мясо для шашлыков!

«Понятно, вали на хер» – подумал Лис, и сказал:

– А где ты его взял?

– Да хозяин «Бакары» дал! Ведь сегодня праздник, ты в курсе вообще?!

Да-да, Лис был в курсе, какой-то очередной религиозной праздник «чёрных», «День весны» или «День какого-то священного дерева», или «День какой-то их матери». Смысл один, бесконечные жертвы и пожертвования в храмы, и всеобщее благостное веселье. Лису было насрать.

– Да, конечно в курсе.

– Ну вот! Я сколько раз просил, Орла! Погода тёплая! Надо выбраться, не к реке, так хоть в саду посидеть. Нажарить мяса!

Да, Лис это помнил, Тол канючил об этом Арелу всю последнюю неделю. Орёл его посылал. Правильно делал. Тола вообще нужно только посылать. «Тол, иди на хуй!»

– Хочешь, я помогу тебе уговорить Арела?

– Нет! – Тол ликовал. – Я его уже уговорил! Он всё разрешил! Сегодня вечером у нас будет шашлык! Я его уже приказал замариновать на кухне повару и слугам!

– А они его сами не сожрут?

Тол, взглянул на Лиса немного удивлённо, потом рассмеялся:

– Хорошая шутка!

«Думаешь, не сожрут? Какие тут шутки! Или им теперь только человечину подавай. Ноги красивых молодых девок»

– А что за мясо?

– Барашек! Ягнёнок, ещё молоденький совсем! – Тол искренне радовался и отвечал Лису, не замечая ни его кислого вида, ни отсутствующего взгляда. Он верил, что Лису действительно интересно. Это просто не могло быть не интересно! И какой бы Лис не был самовлюблённый и заносчивый тип, невидящий ничего вокруг, кроме себя любимого, ЭТО должно было быть интересным даже ему. Тол в этом не сомневался.

– Ягнёнок?

– Да!

– И ноги?

– Ноги?! Нет, на хрена ноги! Эл! Ты ничего не смыслишь в шашлыке, ноги не идут на шашлык. Ноги можно если только в холодец...

И Тол углубился в тему. А Лис стоял и думал о том, что только Тол, и только между ними, называет его – Эл. Сокращает фамилию – Элис. Потому что они в паре. Потому что он боится Лиса в бою. Прикрывает его. И иногда громко и быстро кричит ему что-то во время схватки. Видимо «Эл» ему выкрикнуть проще чем «Лис» или «Элис».

«Эл, справа!», «Эл, ты как?!»

«Хуево, дорогой мой, Тол. Очень хуево.»

Тол, уже закончил экскурс в дебри кулинарии, и стоит теперь пялиться на Лиса, удивляется, что тот его ни разу не перебил, и не послал. А ведь и правда быстро как-то он закончил, мог бы и подольше потрындеть. А Лис бы послушал, постоял. Блин, Тол даже рассказать ничего долго и нудно не может, ну что за болван! Что ж спросить-то?!

– А погода что-то не очень, Тол, вроде как дождь собирается?

– Собирается, но не пошёл же! И когда пойдёт непонятно! Нормальная погода! Ты не переживай! Всё будет просто в лучшем виде! Слушай!

И Тол, всё-таки хватает его, обнимая одной рукой:

– Я тебе сейчас такое расскажу! Про Лилу! Я её кстати пригласил! Мы можем устроить ночью такое! Пойдём, зайдём ко мне, я тебе сейчас всё расскажу! Это что-то с чем-то! Ты просто охренеешь когда узнаешь!

«Он даже не удивился, что я иду за ним», – думал Лис, обречённо, – «он считает меня своим другом. И судя по тому, как мне всё это предлагается своей ровней. Поздравляю, тебя, Эл!» – и Лис горько усмехнулся.

Он не хотел идти к Толу и слушать какие-то сомнительные пошлости про Лилу, совсем не хотел. Но ещё больше он не хотел идти к нему... Что ж, из двух зол, как известно обычно выбирают меньшее.

Эса, только хмыкнула, завидев их на пороге. Её очередной щенок, надрываясь, гавкал и носился вокруг. Лис понял, что она, в отличие от Тола, заметила изменения в его внешности. Заметила и оценила.

– Хорошо выглядишь! – сказала она, на «чёрном», с ужасающим акцентом. В её исполнении это звучало как: «Грошхо вхглядшх». Почему же они везде добавляют, эти чёртовы «г» и «шх»? Мягких звуков, похоже, для них вообще не существует. С гласными тоже проблемы.

Села у зеркала прихорашиваться. Что ж, хоть она понимает, что за гость осчастливил их своим присутствием. Тол загремел бутылками, и одновременно с не меньшим энтузиазмом, как будто только что не рассказывал это Лису, принялся делиться своими сногшибательными новостями с Эсой:

– Нереальный шашлык получится! Ты язык проглотишь! Я приказал добавить в маринровку...

«В маринад, придурок!»

– Представляешь, как охрененно получится! Пальчики оближешь!

Лис сел в кресло. На стенах в комнате Тола были развешаны картины с голыми девками (на одном из полотен девки мылись в бане – очень натуралистично надо сказать). Над столом висел купленный на ярмарке дешёвый портрет популярной в «Нижнем» певички, Жазмины. А над камином, оформленные в рамки, листы с умными изречениями:

«В недрах чёрного цвета зарождается троецветие – чёрного, белого и красного!»

«Только чёрный цвет есть истинный цвет, все же остальные из него происходят!»

Далее, следовал логический вывод, о том, что «чёрные» являются истинными прародителями всего человечества. Наверное, такие «истинные чёрные» как Арел. Сначала были только они. И только потом, от них, появились «белые», вернее по логике писавшего, «белые» это те же «чёрные», только немного в другой ипостаси. «Чёрные», которые переселились за каким-то, на верхний подуровень. И только потом... только потом самыми последними народились «красные».

Подобное дерьмо им втирали и в военном училище. Лис это помнил. Поднимали патристический дух будущих воинов. «Чёрные» – избранная раса, «белые» – ещё куда ни шло, ну а «красные» просто отрывка. Боги! Что он здесь делает?! Зачем сидит здесь, облаянный сраной собакой, и не уходит. Лис знал почему.

Тол поставил перед ним высокий хрустальный бокал и налил вина. Лису очень хотелось, взять его за волосы, хвост у Тола, несмотря на выбритые виски, был толщиной в две руки Лиса и длинной до пояса, и как следует приложить его мордой о столешницу.

Эса томно подплыла к столу, чтобы чокнуться с ними тоже. Её хотелось приложить ничуть не меньше.

Они выпили. Сразу всё. Пить глотками, смакуя вкус, ни Тол ни Эса не умели, а Лис не хотел. Ему сейчас было не до того чтобы наслаждаться букетом. Напиться и заснуть до вечера. До этих гребаных бараньих шашлыков. Он был уверен, там Никто будет всё время с Арелом, и у Лиса не будет шанса. И это хорошо.

Тол сразу налил снова. Вино было не сладким. Тол знал, какое вино налить своему другу, и Лиса это хоть немного порадовало.

Он кивнул в сторону щенка:

– Что за шавка?

– Мой собака! – ответила Эса гордо.

Да, она явно уже неплохо научилась пиздеть на «чёрном».

– Может сделаешь чтобы она заткнулась?

– Бушуй! Бушуй, на место!

«Боги! Ну почему Тол? Почему сегодня утром, ему встретился именно Тол!»

Бушуй, залёг в корзинку, и принялся там что-то яростно рвать.

– А я ему говорю: «Блядь, Арел! Погода такая, надо вылезти из норы в конце-концов! А он мне: «Ты где мясо собрался, брат? На охоту что ли попрёшься, за мясом? А я уже добазарился в «Бакаре» короче...»

Лис прочел следующее изречение:

«Верьте в замысел Божий! Бог ранит нас, чтобы спасти!»

Что-то новенькое.

– Тол?

– Я говорю... не будет дождя. А он... Да?

– Это что?

– Где? – Тол посмотрел на стену так, словно видел её впервые в жизни:

– А, это! Это великолепная вещь! Лила подарила! И ещё... – Тол с присущей ему импульсивностью, начал бегать по комнате, раскидывая вещи.

– Эска! Где ещё «Слова Бога»!

Эса допив вино, поставила бокал на стол и вытерла рукавом губы.

Тол, закричал, стараясь заглушить грохот, от рухнувшей стойки для оружия:

– А Лилка то! Слушай. Я ведь тебе хотел рассказать про Лилку! Мы с ней так кувыркались. – Тол замер. – Втроём.

Он снова забегал:

– Я, Эска и она. Они с Эской такое вытворяли! – Он снова замер, глядя в угол с корзинкой.

– Блядь! Блядь! Блядь! – подскочив к щенку, Тол выдернул из его пасти, пожёванный пергамент.

– Смотри!

Он радостно сунул обслюнявленное псом «Слово Бога» Лису под нос.

«И дам Вам сердце новое. И дух новый дам Вам. И возьму из плоти Ваше сердце каменное и дам Вам сердце ...»

Лис не смог прочитать какое сердце обещалось им дать, концовка была безвозвратно утеряна в желудке «мой собака».

Тол смотрел на Лиса с восторгом:

– Она придет сегодня на шашлыки. Обещала! Хочешь, устроим на четверых? Посмотришь, что вытворяют девки!

«Я похож на идиота? Почему ему кажется, что мне можно это предлагать?»

– Пей! – Эса раздражённо пихнула Тола в живот, налитым до краев бокалом. Она была недовольна затянувшимся промежутком между, первой и второй, или третьей.

«Хоть одна дельная!» Лис выпил залпом. Он всё ещё не пьянел. Ему всё ещё хотелось уйти.

– Хочешь Эску? – вдруг предложил Тол, отбрасывая, изречение от себя. Он был абсолютно искренен в своем порыве гостеприимства.

А Эса, улыбнулась Лису. Красиво улыбнулась, женственно. Лису очень хотелось уйти...

– Хочу!

– То-то же! А когда придет Лиля, она тебе такое устроит, кстати, а ты же её уже вздрючивал. Ты не заметил, какая она шальная?

Эса уселась на колени к Лису, и погладила по волосам:

– Красный, – сказала она.

«Да дорогая, долбаный красный. А «красные» как известно самая дерьмовая раса. У них гнилое нутро, так кажется, говорят»

Она склонилась к его рту. Лис ответил на её поцелуй, лучше так, чем...

Он поднял Эсу на руки и подойдя к кровати, бросил на неё. Эса тут же повалила его на себя.

Они долго кувыркались, Лис чувствовал возбуждение, но кончить не мог, как ни старался. Тол пил вино и не вмешивался, наблюдая за ними с довольной ухмылкой, словно предвкушая грядущий незабываемый вечер.

Эса похоже тоже весьма впечатлилась. Она сидела сейчас на нём сверху, и скакала, скакала, скакала... И конь Лиса скакал. По ровной местности. Без барьеров.

Он разглядывал её татуировки. Красивые. Такие чуть темнее её смуглой кожи, закрученные узоры. Он узнавал в этих переплетениях знакомые темы. Они что-то обозначают. Некоторые похожи на те... вот этот вензель на бедре, чуть выпуклый как и у...

И Лис несмело провел рукой по татуированному бедру. Он ощутил неровности, лёгкие выпуклости рисунка, там, где видимо кожа была пробита глубже, чем надо. А-а-а...

Довольная Эса, отвалилась в сторону. Тол стоял в изножии кровати, держа щенка на весу за задние лапы. Щенок остервенело выкручивался, изгибаясь и пытаясь укусить Тола за пальцы. Он был слишком круглым и пузатым, чтобы достать желаемое.

– Знаешь, Лис, – сказал Тол, не обращая внимания на выкручивающегося пса, – Я вот скажу тебе, как своему лучшему другу! Когда ты не выпендриваешься, ты такой классный!

Орёл сел на кровати:

– У меня живот болит, – протянул он жалобно.

– Что с твоим животом? – спросил Никто отстранённо, он что-то искал в своей сумке и похоже никак не мог найти.

За окном начинался ветреный, но ясный весенний день.

– Болит, ужасно. Может желудок, я не знаю... И вчера тоже самое! Что мне делать?

– Покури и всё пройдет.

– Забей мне Ник.

– А «твёрдый» тебя не устроит?

– Я больше траву люблю. «Твердый», мне меньше нравится. Это ты любишь «твердый».

– Ладно, сейчас... подожди... – Никто прекратил рыться в сумке, подошёл к столу и высыпал немного травы на лист бумаги.

– Эй?! Ты на чем там делаешь? Ник, это, по-моему какой-то важный документ. Ты его не собираешься рвать?

– Да я только приколочу на нём и всё. Ничего рвать я не собирался.

– Ну приколачивай... – Орёл снова сжался, обнимая обеими руками свой многострадальный живот. – А может... – через некоторое время робко начал он.

– Нет.

Орёл тяжело вздохнул.
Никто засмеялся, склонив голову над бумагой и читая её:
– Двенадцать дней, три часа.
– Что?
– Эта бумага. Документ. – Никто протянул её Орлу.
Орёл равнодушно взял листок:
– А-а-а... – протянул он, – да это Энрики мне передал. Постановление, – он хмыкнул пренебрежительно. – Штраф ещё наложили, уроды!
– Ты тянешь время, это опасно.
– Орёл вскинул голову:
– А ты что предлагаешь?! Отдать тебя?! – спросил он раздражённо.
Никто опустил взгляд, протянул Орлу забитую сигарету:
– Держи.
Орёл буквально выхватил её у Никто из пальцев.
– Почему они назначили такой срок? – спросил Никто, – почему такие странные цифры, двенадцать дней, часов.
Орёл выпустил дым, и протянул косяк обратно Никто:
– Будешь?
Никто кивнул.
– Они придурки, – продолжил Орёл, – для меня их тупые распоряжения ничего не значат. Двенадцать дней, тринадцать дней, неделя. Срать, я хотел... сра-а-а-ть...
– Просто прикольно так звучит – Двенадцать дней, три часа, ещё бы написали двенадцать минут, три секунды!
– Да пиздец, – согласился Орёл, снова принимая сигарету и глубоко затягиваясь.
– Они сначала требовали в течении недели или что-то около того, – продолжил он через некоторое время, когда выпустил дым. – Потом поняли что это бессмысленно, накатали вот эту шляпу. Прекрасно понимая, что и это бессмысленно. Просто якобы всё делают по закону. Первое предупреждение, второе, третье. Штраф.
– А что дальше по закону? – спросил Никто. – Когда кончатся эти двенадцать дней.
– Дальше? Гвардия дальше, Ник...
Никто мотнул головой:
– У меня финал в «Нижнем» Колизее.
– Я знаю.
– Хреново... – Никто снова вернулся к своей сумке.
– Меня так нахлобучивает, ох! – Орёл откинулся на подушки.
Он сжался в комок, и накрылся одеялом:
– Почему со мной всегда случается всякое дерьмо, Ник? Объясни мне? Почему я всегда посмешище? Почему про меня ходят истории, не ты, не Лис, не Энрики, именно я, всегда попадаю в дурацкое положение!
– Не выдумывай, тебя просто пригрузило, сейчас немного вот и всё.
– Ага! А почему именно моего коня не успели вычесать, как следует? Всех вычесали, а мой, линяет как скотина!
Никто засмеялся:
– Если бы в конюшне не было так холодно зимой, они бы так не обросли шерстью.
– Ага...
– Живот прошёл?
– Не-а...
Глава пятая. Хорошая трава. Лис и Косой рассуждают про любовь

– Привет Элис, – Косой спустился по лестнице в зал и сел в торце стола на место Орла. Опираясь локтями на столешницу, он положил подбородок на раскрытые ладонями вверх руки:

– Чего делаешь?

– Привет, – буркнул Лис отстранённо, на столе перед ним лежала колода карт.

– Я думал, все уже на пикнике.

– Так и есть, – кивнул Лис и задумчиво взял карты в руки.

– А ты почему не идёшь?

– Сейчас пойду..., – медленно, словно нехотя Лис принялся тасовать колоду.

Всю первую половину дня, он провёл у Тола. Пока тот не убежал организовывать свой бараний шашлык. Когда Лис уходил, Эса, тупая Эска, спросила его:

– Что так грузит тебя?

Она заметила!

– Ничего! – отмахнулся он.

А она так посмотрела на него, очень серьёзно, и сказала, как ему показалось, немного с сожалением:

– Я бы хотела тебе помочь.

Он разозлился. Наверное, даже не на неё, а на себя, за то, что действительно хотел поделиться этим с кем-то.

– Всё в порядке, Эса.

– Ну как знаешь, – ответила она, пожав плечами. Она не настаивала.

И он вдруг сказал:

– Просто я хочу узнать ответ на один вопрос, вот и всё.

Она не засмеялась, как он рассчитывал:

– Знаешь, что я делаю, когда хочу узнать о чём-то?

– Ну?

– Я задаю вопрос и вынимаю карту из колоды. Если выпадает красная масть, значит ответ «да». Чёрная карта – ответ «нет».

Лис вытащил карту.

– Покурим? – предложил Косой.

– Со мной?! – сегодня все предлагали ему, что-то с ними поделаться: Тол выпить, Косой покурить, Эса потрахаться. Или они и раньше предлагали, просто Лис не замечал.

– Ну да, – ответил Косой просто.

– А как же Арел? Ты же обычно раскуриваешься с ним.

– Орёл уже с утра неслабо раскурился с Ником, – Косой усмехнулся.

Значит, всё это было бессмысленно! Зря Лис маялся столько времени у Тола! Чёрт!

– Почему?!

– Что почему? – переспросил Косой, взглянув на Лиса удивлённо.

– Почему он раскуривался с Никто, а не с тобой! Ведь всё последнее время он торчал у тебя!

– Ну да. Лис, к чему ты клонишь?

– Да ни к чему! – Лис смотрел на Косого с ненавистью.

Косой не обращая на его взгляд никакого внимания, послюнил кончик косяка, поджёт, затягиваясь. Его глаз был закрыт повязкой. Худое лицо обрамляли разлохмаченные волосы. Лис не мог понять, что Арел находил в этом человеке. Почему так преданно дружил с ним, на протяжении стольких лет. Почему часами сидел у него в комнате.

– Ну, так что? – Косой, вопросительно посмотрел на Лиса.

- Давай...
- Они раскурились.
- Лис достал ещё одну карту. На всякий случай. Подтвердить ответ?
- Ты до сих пор ревнуешь Орла, что ли? – спросил Косой немного позже. – Почему тебя так волнует, что он торчит, как ты выразился, у меня?
- Косой мне тебя жаль, – сказал Лис без раздражения.
- Тебя бесит, что он общается со мной, а не с тобой?
- Мне плевать!
- Соскучился по Арелу?
- Мне не нужен Арел! И мне надоели все эти дешёвые подколы!
- Косой рассмеялся:
- Да-а-а. Всем известно что Арел лучший любовник в этом городе. И кто попробовал его, никогда больше не захочет ничего другого.
- Да, я его поймел. И что дальше? Меня порадовало только то, что он подчинился мне и был в моей власти. Больше ничего! Понял?
- Конечно. Не психуй.
- А сейчас, уже зная, что, он из себя представляет, я бы даже и этому не обрадовался.
- Что так?
- Я думал, что-то значу для него, а он, дал мне просто потому, что дает всем!
- Косой засмеялся ещё громче:
- Но это не правда!
- Это правда! И я не удивлюсь, если он вскоре захочет отсосать у Вила!
- Лис да ты на самом деле ревнуешь! А ещё говоришь, что мужская любовь не в твоём стиле!
- Точно!
- И женщины у тебя нет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.